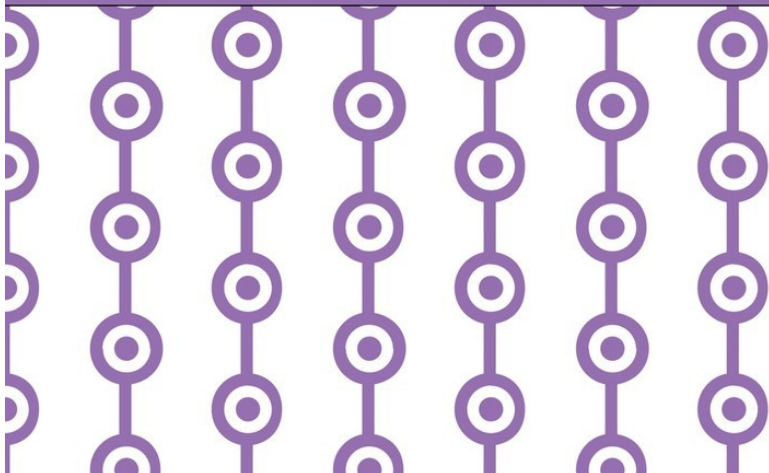

Галина Гатилова

*Я забыла,
кто я...*

Сборник стихов и рассказов

Галина Ивановна Гатилова
Я забыла, кто я... Сборник
стихов и рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23685133

ISBN 9785448389818

Аннотация

Сборник стихов и прозаических миниатюр из жизни автора. В стихах много фантастики, а также философских и иронических отступлений.

Содержание

Я забыла, кто я...	6
На неведомой планете	7
Сижу, чай пью	9
Нет, не догнать	10
Салоники	12
По дороге в Афины	13
Из созвездья Гончих Псов	14
По-прежнему в лучшее верю	15
Размечталась	16
Мы всё те же	18
Пещерный лев	19
Печальное	20
Чёрные тени в углу	21
Надо ж такому присниться	22
Возьму баян...	23
И я была моложе	24
В нашей провинции...	25
Прилетело НЛО	26
Прославляюсь, как могу	27
Ах, сударыня	28
Милый друг	29
Июнь 2016	30
Ноу смокинг	32

Болото	33
Не фея я	34
Хочешь сказку послушать?	36
Пески забвенья	38
Убить Минотавра	39
Помогло б наверняка...	41
Ах, белый конь!	42
Одиночество сердца	44
Зачем будить уснувшие надежды	45
Тихий омут	47
Змей-Горыныч – друг	48
Пусть лежат	49
Тупайская гаврилиада	50
Гордо реет птеродактиль	53
Обошлось	55
Эх, молодость...	56
Очень в Африку хочу	57
Плюну на всё и уеду в Америку	58
Остров Пасхи	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Я забыла, кто я...
Сборник стихов
и рассказов

Галина Ивановна Гатилова

© Галина Ивановна Гатилова, 2017

ISBN 978-5-4483-8981-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я забыла, кто я...

Обманите меня, расскажите мне сказку о счастье,
О прекрасных мирах, где живут добродушные звери,
Где царит красота, где распахнуты души и двери,
Где не надо бояться уродов, стремящихся к власти.

Покажите мне сон, чтоб могла до утра любоваться
Изумрудом листвы, синевой бесконечного неба,
Белизной облаков, ароматом домашнего хлеба...
Может вспомню о том, что умела и я улыбаться?

Напоите меня родниковой, хрустальной водою,
Отпустите на волю из старого, дряблого тела —
Это страшно, когда твои крылья томятся без дела
И нельзя улететь, чтобы стать, как когда-то, собою!

Помогите войти ещё раз в эти бурные реки,
В океаны страстей, в водопады любви и разлуки!
Опускаются крылья, усталые падают руки...
Я забыла, кто я... Господа – поднимите мне веки!

На неведомой планете

Странник с посохом железным тихо брёл в песках пустыни,

И в горах одолевал он неприступный перевал,

А когда в костре походном угольки совсем остынут,

Укрывался пледом чёрным, и тихонько напевал:

О стране далёкой, дивной, где растут цветы большие,

Источая утром ранним небывалый аромат,

И туманами цветными покрывались гор вершины,

И плодами золотыми угощал волшебный сад.

Так он пел, а кто-то слушал, и поверив в эти сказки,

Отправлялся в путь неблизкий, за красивою мечтой.

Покидая дом родимый, никогда не знавший ласки,

Он надеялся на счастье, и в душе своей покой.

На неведомой планете, в самом центре мироздания,

На скале омытой морем, башни старой силуэт...

В этой башне, в подземелье, весь в растерянности крайней,

И закованный цепями, пред свечой сидит поэт.

Он летел сюда на крыльях всеобъемлющей надежды,

Что найдёт покой и радость от вселенской красоты.

Но попал в капкан обмана... и изодраны одежды,

И развеяны, как пепел, все заветные мечты.

Сижу, чай пью

Как-то сижу у окна, да с баранками чай попиваю,
Грустно мне стало, так хочется мир посмотреть...
Очень обидно сидеть в этой хате, которая с краю,
Жить – не на все сто процентов, а только на жалкую треть.

Мне бы в Венецию съездить, да спеть с гондольером
дуэтом,
Или в Бразилию, чтоб посмотреть карнавал...
Только боюсь, навсегда позабыть мне придётся
об этом —
Нет никого в этом мире, кто взял бы и в гости позвал.

Ну, а самой в «белый свет», в «никуда», ехать как-то
неловко.

Вдруг, получу невзначай – от ворот поворот,
Или закроют для въезда, у виллы знакомой, парковку.
Где же кобылка моя от трудов и забот отдохнёт?

Скажет какой-нибудь вредный маркиз, или лорд
захудалый:

– Эй ты, деревня! Куда тебя к лешему прёт?
Здесь только Карлы, что вовремя крали у Клары кораллы,
А без кораллов нельзя вам и травку щипать у ворот.

Нет, не догнать

Парусом алым манила меня каравелла
И обещала забрать к неизвестным ещё берегам,
Только опять я к причалу прийти не успела —
Вот и бегу за мечтою своей босиком по волнам.

Нет, не догнать... растворился багрянец с зарёю,
Парус надежды исчез, не оставив следа на воде —
Видимо снова заветных земель не открою,
Знать никогда не придётся одежд белоснежных одеть.

Плакала я безутешно, смеялись сирены,
Звали к себе, чтоб хвалебные оды для путников петь.
Что ж... я готова теперь и к таким переменам —
Лучше прыжок со скалы, чем обратно в рыбацкую сеть.

Вместе с дельфинами буду плясать в океане,
Шторм зазывать на потеху бесстрашным корсарам
лихим.
В вихре торнадо крутить фуэте не устану,
Чтобы не вышел никто из такого балета сухим.

Остановлю я движение Сциллы с Харибдой —
Пусть корабли проплывают меж ними сплошной
чередой,

Чтоб Одиссеям скорее свой берег увидеть,
Чтоб к Пенелопам смогли бы живыми вернуться домой.

Салоники

Мачтой турецкой высокое небо пронзая,
Белая башня встречает румяные зори.
Город, пропахший заливом Эгейского моря —
Город-легенда сего благодатного края.

Здесь колыбель просветителей, чтимых веками,
Тень Аристотеля в узких проулках скрывает
Город-легенда – кусочек эллинского рая
Солнцем обласканный, вечно хранимый богами.

В воду залива монетку, пожалуйста, бросьте,
Чтобы запомнили чайки и всем рассказали,
Как я живу далеко во вселенской печали...
Пусть позовёт меня город Салоники в гости.

По дороге в Афины

По дороге в Афины смотрите и влево, и вправо,
Бойтесь узеньких троп и темнеющих зарослей тёрна —
Это вам не театр, где актёрам скандируют «браво!»,
Это вам не кино, где сидят наслаждаясь попкорном.

По дороге в Афины просите богов олимпийских
Хоть на время оставить свои бесконечные споры —
Пусть покажут все «против» и «за», и возможные риски,
Чтоб над бездною вы не лишились последней опоры.

По дороге в Афины не слушайте сладкие речи —
Может это Прокруст предлагает вам отдых на ложе.
Стороной обойдите такие случайные встречи,
Если вы одиноки в пути – вам никто не поможет.

Не ходите в Афины, ну что вам от этой прогулки?
Там разбойники, тати и тёмные-тёмные ночи...
Посмотрите рисунок на маминой старой шкатулке —
Вот Эллады герой – победитель Прокруста и прочих!

Из созвездья Гончих Псов

Пёсик чёрный и умильный повстречался мне сегодня,
Хвост-пропеллер, глаз лукавый и улыбка во весь рот.
Он схватил меня за платье (вот бессовестный негодник!),
И тащил с собой куда-то, через лужу, прямо вброд.

Оказалось, что собачка – не простой какой-то пёсик,
Что стоит на задних лапках и выпрашивает кость,
И не тот, который утром для хозяев тапки носит...
Представляете, мой пёсик был инопланетный гость!

Для того чтоб пообщаться со своей земной роднёю,
Прилетел к нам издалёка, из созвездья Гончих Псов.
Но столкнулся вдруг с проблемой (вам покажется
смешною),
Он ведь лаять не умеет и не знает русских слов.

На лужайке приземлилось галактическое чудо,
Разноцветными огнями по периметру горит.
Ну и как я космонавтам помогать сегодня буду?
Я ведь тоже по-собачьи не умею говорить...

По-прежнему в лучшее верю

Я захвачена в плен одноногим сердитым пиратом,
Он обижен судьбой, потому и меня не щадит.
Как же вырваться мне к небесам, на свободу обратно,
Чем расплавить жестокого сердца холодный гранит?

Уж и песни ему колыбельные, нежные пела,
И готовила ужин с вином, при свечах, для двоих...
Он всегда начеку, и другого не выдумал дела,
Как выщипывать перья из крыльев уставших моих.

Я хотела слетать, посмотреть Голубую лагуну,
И послушать, как бьётся о серые скалы прибой.
Как же я умудрилась попасть на пиратскую шхуну,
Оказаться в каюте пирата бесправной рабой?

Я, конечно, грущу, но по-прежнему в лучшее верю.
Скоро снова настанет волшебная, дивная ночь —
Не удержат ни цепи, ни самые крепкие двери...
Закрываю глаза, улетаю в фантазиях прочь.

Размечталась

С Птицей-Вороном мне улететь бы
За живой водой, да за мёртвою.
На чужбинушку мне поглядеть бы
С высоты этажа четвёртого...
Я б повыше взлетела конечно,
Только вес мой не выдержал Ворон,
Хоть и в мудрости он бесконечен,
Хоть и крыльями, вроде бы, чёрен.

С Серым Волком бы мне подружиться,
Ускакать в Тридевятое царство...
Может стану хоть там я царицей,
Не узнав что такое коварство.
Распластался в пыли мой волчишка
И от тяжести чуть не заплакал,
Меж ушами – огромная шишка...
Эх, слабак! Хоть сажай его на кол.

Может лучше найти мне кувшинчик?
Протереть его тряпочкой чисто,
Пусть появится маленький Джиннчик,
И подарит хотя бы монисто.
Только Джинн улыбнулся лукаво,
Хохотнул даже – очень обидно.

Ну, какое монисто Вам, право?
Ведь у Вас даже шеи не видно.

К Змей-Горынычу что ли податься?
Он ведь сильный, с тремя головами,
И на крыльях сумеет подняться,
Даже если залезу с ногами.
Но Горыныч отвёл свои очи,
Заслонился крылами болезный.
Поняла я, девчонки! Короче:
С лишним весом – мечтать бесполезно!

Мы всё те же

Нам хотелось быстрее вознестись на высоты взросления,
Мы считали весну непрерывной на многие лета,
И что хватит надолго волшебного лунного света,
Соловьиных рулад, белоснежных черёмух цветения...

И писались стихи, и романсами воздух насыщенный,
Превращался в мечту, что сбылась и останется вечно.
Как же верилось нам, что любовь молода бесконечно
И бела, как цветы опьяневшей под звёздами вишни.

Размоталась с клубка нашей жизни недлинная нить,
Пронеслась, словно вихрь, разбросав разноцветные
фантики...
Мы с тобою всё те же шальные девчонки-романтики,
И по прежнему можем стихами любви говорить.

Пещерный лев

В моей пещере благодать – тепло, светло и сухо,
Дрова лежат горой в углу, костёр в ночи горит.
У ног моих – пещерный лев почёсывает ухо,
Глядит в огонь задумчиво, тихонечко урчит.

Сегодня у него была удачная охота —
Помог загнать мне в западню зловредного козла,
Который не хотел, подлец, по-честному работать,
Поэтому я на него, конечно, очень зла!

Рога теперь на стеночке, а шкура у порога,
Они не пригодятся больше козьей голове.
А где-то в отдалении, грызут шакалы ногу,
Гиены кверху лапами валяются в траве.

В тиши ночной луна плывёт, подмигивают звёзды,
И в омуте плескается огромный старый сом.
Пускай шаманы в бубны бьют и воют очень грозно,
Но завтра мы с пещерным львом на мамонта пойдём!

Печальное

Печаль сегодня, видно, не отстанет...
Воспоминаний вьётся хоровод,
Теряясь в алом утреннем тумане —
Зарёй раскрашен он и небосвод.

А ночь ушла, исчезла с миражами...
Рассыпалась осколками мечта
О том, что счастье вечно будет с нами
И будут о любви шептать уста,

Дыхание с дыханием мешая.
Но сорвана фантазии вуаль —
Надежда на любовь была большая,
Осталась только лёгкая печаль...

Чёрные тени в углу

Чёрные тени в углу копошились, как дети в песке,
Гостьей незваной припёрлась ночная бессонница,
Мыслям не хочется плыть по спокойной и тихой реке,
Быстро несутся в галоп, наступающей конницей.

Перед глазами мелькают прошедшие, давние дни,
Скалятся беды, рычат саблезубыми тиграми.
Только пускай не надеются, что победили они,
И закружили своими бесовскими играми.

Раз уж полночных видений прогнать мне сейчас не дано,
Пяльцы возьму и иголки большие цыганские,
Белыми нитками тени сошью я в одно полотно.
Вышью по центру Жар-птицу и яблоки райские.

Сразу в душе моей стало уютно, спокойно, тепло,
Тигры мурчат, подставляя для ласки макушки.
Новую шторкой завешу открытое на ночь окно,
Тихо усну, обнимая с улыбкой подушку...

Надо ж такому присниться

Надо ж такому присниться – я гейша в Японии.
Кланяюсь всем и ладошки держу у груди,
Чай разливаю по чашкам чужим – церемония...
Господи боже, прошу – от греха огради!

Спицы в причёске торчат, на ногах что-то тесное,
К тапкам уютным привыкшие пятки, гудят.
Всё по-японски у них, это дело известное —
Русскую женщину пусть в кимоно поглядят.

Чаю попить захотели японцы? Так я напою!
Дайте сапог, самоварчик сейчас вам раздую,
Чтоб не скучали, раздольную песню спою,
Песню душевную, русскому сердцу родную.

Бубликов связка, пирог да медовые пряники,
Что ещё нужно, чтоб русскую душу понять?
Чай с чабрецом! Есть блины со сметаной и драники.
Ешьте, японцы! Я ваша японская мать!

Возьму баян...

Возьму баян и песню грустную
Сыграю и спою печальную —
О том, что сердце моё чувствует
И как в груди стучит отчаянно.

Ах, полететь бы птицей вольною
За песней вслед, за горы синие,
Туда, где бьются в берег волнами
Мои мечты и чувства сильные.

Окружены повсюду скалами
Высокими – неодолимыми...
О, Господи! Как же устала я
В разлуке быть с тобой, любимый мой!

Услышишь ли мои рыдания,
И как зову тебя отчаянно?
Или опять в дорогу дальнюю
Уйдёшь, оставив птицей раненной...

И я была моложе

Когда-то в мире было всё иначе —
И выше, и сильнее, и быстрее.
Светило солнце ласковей и ярче,
А в родниках – вода была мокрей.

Был воздух чище, ветерок игривей,
И облака пушистей и белей.
Вся в молниях, потряхивая гривой,
Гроза была ужасней и грозней.

Да что сказать? И я была моложе,
Мечтала и не думала стареть...
Кого же мне судить сегодня строже?
Что о мечтах несбывшихся жалеть?

Как получилось, так и получилось...
О чём же плакать и кого винить?
Пусть даже в жизни что-то не случилось,
Но как прекрасно в этом мире жить!

В нашей провинции...

В нашей провинции рай настоящий.
Люди простые, простая еда,
Воздух, волшебной струною звенящий,
И родниковой слезою – вода.
С солнышком вместе петух встрепенётся —
Громко кричит, чтоб проснулись леса,
Ласковый лучик к виску прикоснётся:
Ну-ка вставай, не проспи чудеса.

В нашей деревне тоски не бывает:
Утром туманы густые лежат,
Травы росой в лугах омывают
Ноги босые, бегущих ребят.
Так припустились, что пятки сверкают:
Кто там последний? А ну, догоняй!
Только макушки в тумане мелькают.
Как хорошо... Это подлинный рай!

Прилетело НЛО

Прилетело НЛО – разогнало тьму и зло,
Добротою всю планету облаком обволокло.
Гуманоид улыбался, хохотала детвора...
Вот такую Землю сделать нам давно уже пора.

Чтобы не было печали даже мелочи важны —
Разве людям в этом деле гуманоиды нужны?
А без них, кто балом правит? Кто нам истину несёт?
Как представляю... Нет, уж лучше попрошусь
на Звездолёт!

Ой, подружки – улетаю, и за всё прошу простить!
Если будете на Марсе, заходите навестить.

Прославляюсь, как могу

Я к славе-известности танком попру,
Давя незначительных лиц,
И даже в Австралии все кенгуру
В восторге попадают ниц.

Поставят на площади бронзовый бюст,
Лаврушкой украсят чело,
И слышаться будет из множества уст,
Что новое Солнце взошло!

Ликуют низы, веселятся верхи,
И в этом народ мой един...
Я левой ногою кропаю стихи,
Сияя, как масляный блин.

Читайте, подруги, хвалите друзья,
Творение это для вас!
Сама удивляюсь – каковская я,
Не лопнуть бы только сейчас...

Ах, сударыня

Ах, сударыня, за грубости простите,
Не хотелось Вас обидеть невзначай.
Церемонии положены элите —
Мы ж не знали, мы ж безграмотные чай.

Если б знали, то бы в низком реверансе
Перед Вами, благородие, склонясь,
Повторяли бы, застыв в глубоком трансе:
«Что изволите, мадам, скажите, ась?»

Никогда бы мы своё свиное рыло
В Ваш калашный ряд не сунули, пардон...
Так на сердце нам теперича постыло,
Получив от Вашей Вашести разгон.

Нам давно бы позабыть, что в детстве с Вами
Мы на равных были в играх и делах,
Знать, накрылись медным тазом и годами
Отношения простые наши, ах!

Милый друг

Милый друг, прочитала что Вы написали —
Я в дичайшем восторге от Ваших чарующих строк,
Вы глаголы как будто кувалдой ковали из стали,
Вы рифмуете так, что случился у классиков шок.

Ах, мусьё, я шедевров шедевррей не знала,
Гениальностью Вашей я просто повержена ниц,
За талантом таким я готова идти пешкодралом,
Прогоняя с дороги других непутёвых девиц.

Как жила я на свете, не зная такого поэта?
Как светила луна и решались кометы летать?
Как пускала колечки дешёвенькая сигарета
И порою ночной соловейко пытался свистать?

Вы мой принц из древнейшего, видимо, рода,
Из прошедшего века, последних годочков лихих...
Одного не пойму – отчего же так плачет природа,
Если вслух читаются Ваши, амиго, стихи?

Июнь 2016

Дождями лупцует и градом в кулак
По кумполу дядьке с болота.
Промолвил лешак: «Вот же ж, мать твою так!
Погода взбесилась чего-то.»

Побитый, без листьев чернел краснотал,
Не видно дороженьки лунной...
Количество шишек наш леший считал,
Потом просто-напросто плюнул.

Потрогал затылок, потряс бородой,
Утёрся осокой с рогозом —
Ему СМС-ку июньской порой
Никто не отправил с прогнозом:

«Внимание, леший, в ближайшие дни
Гроза, ураган и торнадо.
Сидите в избушке и грейте ступни,
А бегать по кочкам не надо,

Старайтесь держаться подальше от пней,
Не будьте Вы вечной копушей,
А то как шарахнет мильёном огней
И громом потом оглоушит.

А если поднимется вдруг водоём
Водой, что дождями нальётся —
Плывите корягой, гребите лаптём!
Возможно Вам это зачтётся.»

Ноу смокинг

Сидел, курил и никого не трогал,
Плевал на звёзды (только попадал ли?),
Пускал колечки в лунную дорогу,
Устроив галактическое ралли.

На Млечный путь отряхивая пепел,
Окурком в Жёлтых Карликов кидался.
А лунный серп был «серебрист и светел»,
Когда по русски матом выражался.

В дыму табачном топоры висели
И был тот дым изогнут коромыслом...
Гонцы от Гончих псов мужчинку съели,
Хотя, конечно, в переносном смысле.

Курить бросайте мужики и бабы,
Не то, как этого, что тут смолил ночами,
Псы загрызут, космические как бы...
Но эта новость только между нами.

Болото

Засосала болота трясина,
Душу тиной и ряской покрыла...
Не вздохнуть и не высунуть рыла —
Вот такая вот «маслом картина».

Бултыхаюсь, цепляюсь за жижу,
И от этого прочь убегает
Головастиков целая стая...
Неужель белый свет не увижу?

Утонула я, ой, утонула!
Хоть бы в речке, а то ведь – в болоте.
И сижу тут в слезах и икоте...
Видно, лишнего давче хлебнула.

Говорил Водяной сладки спичи
Про любовь к плавникам с чешуёю,
А теперь... ничего я не стою,
Не русалкой – кикиморой кличут.

Не фея я

Пропали молодость и колдовская сила,
Кривое зеркало смеётся на стене...
В кристалл магический я тапком запустила —
Одежды белые, как саваны, на мне.

Глаза потухли и морщинок в изобилье,
И ступа старая под дверью тут как тут...
Куда же делись эти ангельские крылья?
В какое общество без нимба позовут?

Украли тати золочёную карету,
Заморский денди на свиданье не поспел.
Решили сжить меня несчастную со свету,
Кругом враги, кругом интриги, беспредел...

Теперь не фея я, и даже не колдунья,
А ведьма старая, хромая и с горбом —
Такую чучу отчебучу в новолунье,
Волками взвоете... Попомните потом!

Свяжу метёлочку из веток кипариса
И окуну её в отвар из вредных трав —
От этих чар моих не спрячется и крыса,
А уж тем более, кто был со мной не прав!

Сейчас заправлю свою ступу керосином,
Бинокль повешу на истерзанную грудь,
Чтобы леталось мне быстрее в небе синем,
Чтоб из врагов не пропустить кого-нибудь.

Хочешь сказку послушать?

Растрепала метлу – не летать уж на Лысую гору,
Подожгла резиденцию с курьей, когтистой ногой,
Наготовила зелья, шептала слова наговора,
Чтобы быть молодухой, а вовсе не бабой Ягой.

Чтобы волосы русые – шёлковой шалью на плечи,
Чтобы лебедью плыть, а не уткой хромой костылять...
Чтобы сладкими были с Иваном-царевичем встречи,
А не с Лешим замшелым... да, только вот, где ж его
взять?

Измельчали царевичи... нет уж былого задора...
На свиданье не выманить – мёдом намазан диван,
В мониторы глядят затуманенным, пристальным
взором...
Не поймут, что в коробках не жизнь, а какой-то обман.

Понимаю теперь – на старуху бывает проруха!
Зря сжигала избушку, трепала метёлку свою...
В переходе стою в драных джинсах и с пирсингом
в брюхе,
И, задаром почти, очень жалобно, песни пою.

А, когда-то была у истоков всего мироздания,

Облетала дозором лесные владенья вокруг...

Молодой человек! Обратите на даму вниманье,

Хочешь сказку послушать, мой милый, доверчивый друг?

И не надо чертить этот гадкий, магический круг...

Пески забвенья

Струятся между пальцами года,
Песчинками летают с лёгким ветром...
Любовь не возвратится никогда,
И между нами – сотни километров.

Ты на прощанье что-то говорил,
В глазах ни сожаления, ни боли...
Свистали соловьи нам до зари,
Смеялись над моей бедою, что ли?

Ушёл... уехал... обо всём забыл —
О клятвах, о признаниях, о встречах...
Тушу слезами свой сердечный пыл,
Улыбку потеряв в тот странный вечер.

Не думай, я не жалуясь судьбе,
Оплакивая памяти мгновенья —
Зачёркиваю строчки о тебе
И строю замок из песков забвенья.

Убить Минотавра

Ни входа не найду никак, ни выхода не видно,
Попала словно в лабиринт, куда ни ткнусь – тупик.
Да что ж так невезуха прёт, ну правда ведь обидно:
То было очень хорошо, то – плохо в один миг!

Хотя... Жила я без фанфар, не слышала литавров...
Что, Лабиринт, поборемя? Я не привыкла ныть.
Сходить за вашим страшным и хвалёным Минотавром,
Мне даже не потребуется Ариадны нить.

А вот и он! И правда что – отвратная страшила!
Копыта, грудь лохматая и длинные рога...
Наверно, Минотавриха измену совершила,
И честь свою замужнюю совсем не берегла!

И что ж теперь, бояться мне такого вот козлину,
Который Минотавриху прижать к ногтю не смог?
Пошёл бы ты, чудовище... А то сейчас, как двину,
Промеж рогов, а может быть и даже между ног!

Запомни, Бычья голова, дерусь я очень храбро,
И на дороге у меня, трухлявый миф, не стой!
Я очень не советую тягаться с русской бабой,
Иначе ты заплатишься своею головой!

Помогло б наверняка...

Шла старушка по дороге —
Еле-еле тянет ноги.
Спотыкалася, кряхтела,
Поскорей домой хотела...
Только, что ж поделать тут,
Если ноги не идут?

Вдруг, подул ей ветер в спину —
Изменил он всю картину:
Юбку к голове задрал,
И толкал её, толкал...
Быстро бабушка бежала,
Панталонами сверкала.

Вот и мне – порой работать,
Совершенно неохота,
Потеряла всякий страх —
Всё б витала в облаках.
Помогло б наверняка —
Получить под зад пинка!

Ах, белый конь!

Ах, белый конь! Ах, принц мой заграничный,
Я жду тебя в беседке при луне...

Пускай не первой свежести – вторичной,
Мне этого достаточно вполне.

Но чтобы замок был средневековый
И мост подъёмный над глубоким рвом,
Где целый день бы цокали подковы
Лошадок, что везут мешки с зерном

И амфоры с вином из подземелий
От лучших виноделов, и парчу
Для дам, чтоб танцевалось под свирели
Придворных музыкантов. Так хочу

Турнир увидеть, рыцарей в доспехах,
Скрещенье копий, звонкий стон мечей...
Писать стихи о боевых успехах,
Под свет волшебный тающих свечей.

Чу! Слышу торопливые копыта
Сминают шёлк не скошенной травы.
Был чёрен конь, чьё имя позабыто,
А всадник был – совсем без головы.

Одиночество сердца

Эта осень придёт и не спросит у нас разрешенья,
Затуманит дождями зеркал постаревших стекло,
Бабым летом попросит, как будто случайно, прощенья,
Что весна отцвела и что лето куда-то ушло...

Оглянусь невзначай на ушедшие в прошлое годы,
Да рукою махну убегающей юности вслед —
Было много штормов, но и просто хорошей погоды,
Было много задач... только найден ли верный ответ?

Ну а что впереди? Да известно – метели и вьюги,
Одиночество сердца, уставшего в рифму стучать,
И печаль о былом, и тетрадь со стихами в подруги...
Чем закончится повесть? Не очень-то хочется знать!

Зачем будить уснувшие надежды

Зачем будить уснувшие надежды
И выпускать на волю миражи,
Освободив рассудка этажи
От всех причудливых фантомов прежних?

Какой пассаж... могла бы просто жить,
Не видя страхов мелкие нюансы —
Лишь кокона познав пространство,
Сумев его от взоров чуждых скрыть.

Так нет! Отважно кинулась с обрыва,
Поймав крылом попутный ветерок,
Забыв в восторге пылкий свой зарок —
Не слушаться душевного порыва.

Забыв о переменчивости моды,
И о коварности подводных скал —
Увижу повседневности оскал,
Пытаясь изменить свою природу.

Опять пускаю в небо журавля,
В руках синицу бедную оставив,
И провожая взглядом птичью стаю,
Останусь на задворках февраля...

Тихий омут

Омутом тихим, ветрами и прочей оказией,
Кружатся мысли, текут ручейками фантазии,
То отправляются в прошлое, то возвращаются,
То по просторам Галактик чужих рассыпаются.

Ночью бессонную, вдруг, сквозь туманы осенние —
Издадека приплывает ко мне вдохновение,
Вьются стихи в голове, словно бабочки белые,
Что же со мною пустые мечтания сделали?

Годы промчались, напрасно растрочены силы —
Видно не так я молилась и счастья просила.
Будто забытая кем-то в углу заготовка...
Всё что осталось – словами жонглировать ловко.

Змей-Горыныч – друг

Послушай, Змей-Горыныч, друг, взмахни своим крылом,
Слтай со мной, пожалуйста, в контору ЖКХ.
Вопросов много... я хочу спросить у них о том,
Как можно обирать людей, не ведая греха?
Ты просто рядом посиди, поигрывай хвостом,
И неотрывно посмотри в их наглые глаза,
Да иногда, небрежно так, попыхивай огнём...
Чтоб знали – безнаказанно обманывать нельзя!

Пусть лежат

Скажи-ка, милая, куда ты и откуда
Спешишь-торопишься, не видя белый свет?
На шляпке розочки и пара незабудок,
Под шляпкой – глазоньки и губки в алый цвет.

На стройных ноженьках плетёные танкетки,
Вокруг коленочек – юбчонка солнце-клёш...
Тебе завидуют все местные эстэтки,
Но ты на них очаровательно плюёшь.

А вдоль дороженьки ложатся штабелями
И стар, и млад, и прочий мужеский народ.
«Пускай лежат! А я с лопатой и граблями
Иду копать на нашей даче огород!»

Тупайская гаврилада

По травам зелёным ступая
Бредёт не спеша НЛО,
Оно прилетело с Тупайи...
А может быть просто пришло

С далёкой-далёкой планеты,
Где мирно тупайцы живут —
Летело со скоростью света...
А может про скорость и врут.

Ей в скорости не уступая,
Вприпрыжку по травам бегу —
Встречая тарелку с Тупайи,
Я медлить, увы, не могу.

Пальтишко из синего драпа
И шляпка из фетра с пером...
Плывать, что тарелка без трапа,
Здесь лес, а не аэродром.

Карабкаюсь бодро до люка,
Вскрываю булавкой на раз...
(Мешалась какой-то подлюка,
Пришлось успокаивать в глаз)

И вот к приземлившимся братцам
Тихонечко в рубку иду,
А тех, кто пытался вмешаться,
Я просто имела ввиду!

У пульта ликует тупаец —
Он сам этот путь проложил.
Нажавший на кнопочку палец
На память в карман положил.

Чтоб знали тупайцев потомки,
Что предок, великий Икрал,
У нашей Галактики кромки
Сим пальцем на кнопку нажал!

Какой же тупаец красивый —
И профиль хорош и анфас,
Окрас переливчато-сивый,
В пупке фиолетовый глаз.

Всё это сиреневым пухом
Покрыто... умильно-то как!
Улыбка от уха до уха
И с милой горбинкой пятак.

Мне, бабоньки, с первого взгляда
По нраву пришёлся Икрал,
За то, что пошлёпав по заду,

Тупицею нежно назвал.

Вот грозно завывла сирена,
Земля задрожала дрожмя —
Тарелка с заложеным креном,
Икрала несёт от меня...

Как только мотора рычанье
И топот тарелкин утих,
Тупайцам родным на прощанье
Я этот придумала стих.

Образ тупайца придуман поэтом Д. Московским, а я позаимствовала с его разрешения.

Гордо реет птеродактиль

Как мне хочется порою в Мезозойскую культуру —
Отмотать назад побольше: лет, часов, минут, веков.
Позабывать свою такую... очень тонкую натуру,
Быть попроще в этом мире. И не тратя лишних слов,

Захватила в путь неблизкий и не много, и не мало —
Положила в сумку хлеба и шматочек салица.
Но получится ли сразу, чтобы я дикаркой стала?
Как приду, так притворюсь-ка, что неондерталица.

Перевалы одолею, буреломы и пороги.
И трусцой, переходящей на спортивную ходьбу,
Тороплюсь, чтобы другие не нашли туда дорогу —
Может там, в далёком прошлом, я найду свою судьбу.

Первым делом надо будет разыскать себе пещеру,
Чтоб спокойно обустроить первобытный в общем быт,
Тяжело, конечно, бабам тыщцу лет до нашей эры...
Ну да, главное не это — был бы чем живот набит.

Где же здесь добыть продукты... магазинов ещё нету,
Знать придётся на охоту собираться поутру.
Ну и что же тут такого? — хорошо в засаде летом...
Я охотнику любому в этом деле нос утру.

Перво-наперво, наверно, надо сделать... дротик, что ли,
Чтоб воткнуть поглубже дичи прямо в сердце или глаз..
Только кто ж подставит глаз-то, да ещё по доброй воле?
Нет уж, нет уж! На охоту я пойду не в этот раз.

Скажем прямо, что убийца из меня не выйдет просто —
Жалко ж каждую зверушку, птичку, бабочку, цветок.
Вдруг... идёт мужик лохматый, грязный и на лбу короста,
И дубинкою огромной чешет свой плешивый бок.

Ой-ё-ёй! Чего-то сразу расхотелось быть дикаркой,
И огонь в своей пещере для такого разводить...
Лучше в зубы к тарбозавру – пасть геройски смертью
яркой,
Чем с таким питекантропом, или как его там, жить!

Не вписалась я, ребята, в Мезозойскую культуру,
Не хочу такого счастья – всё, подруженьки, отбой!
Пусть другие идиотки зашивают шкуру сдуру
И над ними гордо реет птеродактиль молодой...

Обошлось

То ли муха, то ли заяц,
То ль медведь... а может лось?
Сел ко мне на средний палец,
Укусить хотел, засранец...
Слава богу – обошлось!

Этот зверь аль насекомый,
Думал про себя небось,
Получив удар весомый
Мухобойкой, а не ломом:
«Слава богу – обошлось!»

Эх, молодость...

Память, память... опять ты тревожишь,
Возвращаешь упрямо назад,
Когда не было складок на роже,
Был упругим виляющий зад,
Когда в моде – платформа и сабо,
Джинсы Левис, чулки-сапоги...
Эх! Смотрелась я, девки, не слабо —
Были стройными обе ноги!
А теперь, как хромая собака,
В раскоряк по дороге бреду,
Оттопыря отвисшую сраку,
Людам на смех, себе на беду!

Очень в Африку хочу

Очень в Африку хочу я, в джунглях прогуляться.
Только не в сезон дождей – сырость не люблю.
На лиане бы упругой сильно раскачаться...
Нет! Наверное, не сильно – пальму повалою.

Только жарко, очень жарко в знойной, пыльной Африке,
Искупаться бы в речушке, взбаламутить ил.
Прыгну в омут! Из одежды – только в лёгком шарфике...
Ой! Плывёт за мною следом страшный крокодил.

Припустилась по-собачьи, чтобы в зубы не попасть,
Баттерфляем не умею, да и брассом тоже.
Развернусь и плюну метко в крокодиловую пасть,
Да ногою крепко двину по нахальной роже.

Для отмщенья – лук и стрелы у пигмеев украду,
Расстреляю, как фашиста, мерзкую рептилию,
(Наконечники без яда – экологию блюду),
Пусть стервятники пируют... мяса в изобилии.

Плюну на всё и уеду в Америку

Снова судьба закатила истерику,
Прямо не жизнь, а сплошной тарарам.
Плюну на всё, и уеду в Америку,
У водопада поставлю вигвам.

Ночью поманит прохладой водица,
Руки раскину, отправлюсь в полёт
В водоворот, как свободная птица —
Прямо в стремнину бушующих вод.

Рядом с луною в воде отражённой,
Тихо плескаюсь играя волной.
Выйду из озера новорождённой,
Сила и молодость снова со мной.

В прериях буду скакать амазонкой,
Мчатся стрелой на мустанге лихом,
Чтобы стучал он копытами звонко —
Выбил бы мысли мои о былом.

Крикну я громко – ну здравствуй, Америка!
Долгое эхо услышу в ответ...
Можете плакать и биться в истерике —
Завтра ж куплю на «Титаник» билет!

Остров Пасхи

Эй, Длинноухий! Давно ли стоишь на крутом берегу?
Остров хранишь ты, который зовут Рапа-нуи?
Просто смотреть на простор океана я тоже могу,
Что там такого? Ну, чайки летают... Да, ну их!

Каменный идол, штормов не боящийся много веков,
Тот, что пришёл своим ходом на брег океана,
Выпей со мной – я везла самогон из далёких Щигров...
Чтоб пригубить по сто грамм, вот с таким истуканом.

Уединенья ищу я – надеюсь, никто здесь не бродит?
Всё надоело вокруг... Ну, тебе ли не знать!
Мне твоё общество, Каменный дядя, конечно,
подходит —
Спорить не будешь и спьяну ко мне приставать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.